

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821.161.1

Н. В. Крицкая

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА В ЗЕРКАЛЕ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ДИАЛОГА: АСПЕКТЫ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Рассматриваются некоторые аспекты восприятия и интерпретации басен Крылова в Англии XIX в. Объектом анализа являются пять наиболее репрезентативных англоязычных переводов басен (1821–1883), отражающих основные тенденции освоения творческого наследия Крылова в Британии в диахроническом развитии.

Ключевые слова: басня Крылова, русско-английский перевод.

Понятие «диалог культур», широко употребляемое сегодня для отражения комплексной и динамичной структуры международного общения, в качестве важнейшего компонента включает перевод художественной литературы. Именно благодаря переводам русская литература стала общемировым достоянием, и большинство иноязычных читателей знакомо исключительно с транслированными версиями шедевров русской классики. На фоне возрастающего внимания к истории межкультурной коммуникации особую важность приобретают разыскания, связанные со знаковыми именами отечественной культуры, раньше других вошедшими в литературное пространство Европы и сумевшими надолго удержать интерес реципиента. Одним из таких феноменов является любимое имя Ивана Андреевича Крылова, басни которого многократно переводились на ведущие европейские языки.

Особенную нишу имеет Крылов в истории английского знакомства с русской литературой: часто упоминаемый в публикациях о России в течение почти двух веков, обладая несколькими целиком посвященными ему книгами, он до сих пор остается в Англии наиболее переводимым русским поэтом XIX в. Факт многократного обращения английских переводчиков к басням Крылова любопытен тем более, что в отечественной критике утвердилось прочное отношение к ним как к абсолютно невоспроизводимому в иноязычной среде материалу, и высказывание В. Г. Белинского о том, что басни Крылова «нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать... но тогда – что же будет в них хорошего?», резюмировало не просто преобладающий, но однозначный взгляд русской аудитории на предмет [1, с. 574].

Однако ко времени опубликования скептического мнения законодателя отечественной критической мысли (1845) басни Крылова в переводе на английский язык уже были включены в «Россий-

ские антологии» Дж. Бауринга (1821) и В. Г. Сондерса (1826), явились предметом серии статей В. Лидса (1839, 1842), вошли в «Историю русской литературы» Дж. Кокса (1839), стали органичной частью «Российских откровений» К. Хеннингсена (1844) и в разрозненном виде появлялись в десятках других печатных английских изданий. Однако настоящий всплеск интереса английской культуры к русскому баснописцу датируется второй половиной столетия, когда за короткое время появляются несколько книг, посвященных исключительно басням Крылова, среди которых можно отметить «Басни Крылова, иллюстрирующие русскую социальную жизнь» Дж. Лонга (1869), четырехкратно переизданную книгу В. Ролстона «Крылов и его басни» (1869–1883), «Оригинальные басни Крылова» Дж. Харрисона (1883), а также содержащую многочисленные переводы басен главу «Крылов и русские баснописцы» в монографии С. Эдвардса «Русские у себя дома» (1861), помимо опубликованных в журналах басенных трансляций Р. Гарнетта (1879), Ч. Вилсона (1887), В. Госсена (1886) и целого ряда других авторов.

Примечательно, что хронология этих переводов как будто не обнаруживает зависимости от внешних обстоятельств, часто определявших не только интенсивность, но и вектор русско-английских культурных отношений XIX в.: умеренное внимание могло смениться пароксизмом увлеченности, однако периоды полного безразличия переводчиков к Крылову надолго не затягивались, и эта «вневременность» интереса к русскому фабулисту очень показательна. Басни Крылова оказались материалом, вновь и вновь *переосмысливаемым* английской культурой; десятки переводчиков брались за потенциально «непереводимый» субстрат и в разной степени успешно трансплантировали его на английскую почву. В течение этого времени русские басни переводились стихами и прозой, пересказывались с подробностями и без; объемные

умещались в несколько строчек, а короткие растягивались на страницу и более, иногда изменяясь до неузнаваемости, – и все же подпись *Kriloff, Kruilov, Krylov, Krilov, Krylof* не оставляла сомнений в их оригинальном авторстве. Не взваливая на себя непосильной задачи детальной характеристики всего комплекса англоязычных воспроизведений басен Крылова, остановимся на принципиальных особенностях наиболее показательных переводов, динамика непрерывного воспроизведения которых, от ранних романтических опусов до канонических, приближенных к реалистическим трансляций, дает возможность целостного и систематичного осмысления в диахроническом историко-литературном аспекте.

В хронологии знакомства англичан с творчеством Крылова первым событием стала публикация нескольких басен в «Антологии русской поэзии» Джона Бауринга (1821), известного в качестве одной из ключевых фигур англо-русских политических и светских контактов первой половины XIX в. [2]. В период увлечения массового читателя романтическими веяниями «дедушка Крылов» предстает перед английской публикой в облике экспрессивного романтика. Существенно завышая тон повествования, Бауринг меняет модальность оригинала и создает новый образ рассказчика, который, будучи сентиментально взволнованным или романтически экзальтированным, в любом случае далек от спокойной ироничности просторечного русского повествователя. В итоге житейские и совершенно лишённые романтического пафоса оригинальные басни, полные трезвомыслия и народного юмора, превращаются в окутанные сентиментальным флером лирические стихотворения, уводящие в мир романтических переживаний и тяготеющие к туманной расплывчатости. Так, знакомая каждому басня «Лебедь, Щука и Рак» в английской интерпретации предлагает читателю решить проблему, до конца не очевидную и самому переводчику. Логическая концовка, а вместе с ней и суть басни «*Кто виноват из них, Кто прав – судить не нам; Да только воз и ныне там*» заменяется многозначительным и расплывчатым пассажем, предлагающим реципиенту примириться с неразрешимостью интеллектуальной дилеммы – кто виноват?! – совершенно трансформирующей идейно-философское содержание оригинала: «*Кто из троих был виноват? И кто был прав? – Может быть, все, а может быть, никто – может быть!*». За вольным пересказом крыловских фабул Бауринг в духе времени не скрывает собственного видения мира, и эта субъективность становится необходимым компонентом всех его версий, обращающихся скорее к чувствам, чем к рассудку аудитории. Сегодня эти переводы интересны как иллюстрация движе-

ния мысли транслятора, отразившего в своих опусах веяния времени, приветствующего развоплощение риторических норм и ломку традиционного отношения к жанрам. Романтическая тенденция отношения к басням Крылова, впервые недвусмысленно проявившая себя в трудах Бауринга, нашла продолжение и развитие в последующих переводах басен 1830–40 гг. В. Г. Сондерса и В. Лидса.

Следующим масштабным этапом в освоении английской культурой басенного наследия Крылова является период прозаических трансляций. Русская поэзия, подобно любой поэзии характеризующаяся высокой информативностью не только содержания, но и формы, всегда представлялась англоязычным переводчикам неподатливой для адекватного воспроизведения. По признанию известного русиста У. Арндта, до недавнего времени, помимо немногочисленных работ профессиональных поэтов, русская поэзия доходила до англичан «либо в виде скрупулезных и скучных работ ученых-лингвистов, либо в виде виршей рифмоплетов – иначе говоря, в переводах всякого, кто знает русский язык или провел в России несколько лет» [3, с. 143]. Впрочем и те немногочисленные профессионалы, о которых говорит исследователь, подчас пасовали перед трудностями поэтической интерпретации оригинала, предпочитая прозаический перевод русской поэзии.

Однако если англичане могли сомневаться в возможности воспроизведения русской лирики, то басня, эстетическая форма которой нередко отходила на второй план по сравнению с функциональностью содержания, обладала по сравнению с последней определенной привлекательностью, не отталкивая интерпретаторов непосильностью решения литературной задачи [4, с. 71]. Переводчики стремились оправдать ожидания своего читателя, и их миссия облегчалась тем, что в отношении басни эти ожидания с эзоповых времен допускали как поэтическую, так и прозаическую форму воплощения авторского замысла. Неизменной же составляющей этих ожиданий оказывался скорее замысел баснописца как таковой в своем триединстве оригинального сюжета, нравственно-дидактической и социально-сатирической констант.

Популярность Крылова в Англии достигает пика к концу шестого десятилетия XIX в., что может быть связано с отменой крепостничества, вызвавшей значительный резонанс в общественных кругах страны: именно социальный аспект басен так или иначе акцентируется всеми переводчиками этого периода. С 1861 по 1869 г. одна за другой появляются три книги, содержащие переводы значительного числа басен Крылова, за авторством С. Г. Эдвардса, В. Ролстона и преподобного Дж. Лонга. Не являясь профессиональными лите-

раторами, эти люди были в разной степени знакомы с русским языком, однако их знания оказались достаточно для того, чтобы оценить своеобразие произведений Крылова, а также их пригодность для реализации собственных задач, которые, во многом расходясь, совпадали в одном: всеми тремя переводчиками они решались в рамках чуждой оригинальным басням прозаической формы.

Прозаическая интерпретация стихотворных басен в качестве единиц лояльного к трансформациям жанра в третьей четверти XIX столетия соответствовала актуальным тенденциями перевода, когда все большую популярность приобретали буквальные трансляции, отрицавшие прежние методы вольных переложений: «...это был кризис роста переводческой культуры, связанный с превращением перевода из произведения более или менее самостоятельного, принадлежащего скорее переводчику, чем переводимому автору, в произведение подчиненное, задача которого была по возможности точно передать оригинал» [5]. Однако в этот период существовали и внелитературные причины, обуславливающие «информационный» подход к русско-английским трансляциям. В течение примерно десятилетия около Крымской войны большинство переводов с русского служило скорее политике, чем эстетике: информационная сторона подчеркивалась в ущерб литературным качествам, что позволяло использовать их в качестве инструмента для демонстрации пороков русского общества. Поэтому басни Крылова, сами по себе нередко воспринимаемые в последнем контексте, отвечали интенциям переводчиков и ожиданиям англоязычной аудитории как нельзя лучше.

Одним из подобных изданий стала книга журналиста С. Г. Эдвардса «Русские у себя дома» (1861), целый раздел которой впервые в истории английского знакомства с Крыловым был посвящен его творчеству. Одним из принципиальных достоинств басен, помимо их социальной актуальности, Эдвардс видел оригинальность сюжетов; поэтому переводчик не считал для себя приоритетным сохранение образности и богатства всех их смысловых оттенков. Отправной точкой Эдвардса являлась мысль о том, что в басне главное – не образ, а суждение, и этим оправдывалась и прозаическая форма, и предельная сжатость в изложении некоторых басен, порой умещавшихся в несколько строк. В своих переводах Эдвардс часто прямолинейнее и бескомпромисснее русского баснописца, он стремится к уточнению всех функциональных акцентов басни и устраняет все препятствия на пути наиболее очевидного преподнесения морали соотечественникам. Так, например, Лиса из басни «Щука», будучи в оригинале *прокурором*, лицемерно предлагающим в наказание Щуке бросить

ее в реку, в английской версии прямо заявлена *адвокатом* последней. Характеры басен Эдвардса, максимально однозначные и информативные в своей обличительной непривлекательности, в духе времени призваны продемонстрировать беззаконие «социальных паразитов, глупцов и взяточников» [6, с. 241].

Еще одним британцем, обратившим внимание на басни Крылова в этот период, был английский миссионер в Индии Джеймс Лонг, выпустивший в 1869 г. в Калькутте собственную книгу переводов, задуманную в качестве звена в цепи русско-индийских параллелей. «Так как многие российские пороки существуют и в Индии, – пишет автор, – жало сатиры может быть применено, наряду с Россией, и к Востоку». В согласии с сатирической интенцией Лонга, социальный акцент в его книге не только обозначен, но и вынесен в заголовок: издание названо «Басни Крылова, иллюстрирующие русскую социальную жизнь». Своей целью Лонг поставил перевод басен не только на английский язык, но и на ряд индийских диалектов, чтобы они «под видом басни передавали моральные постулаты», так как «русские... всегда демонстрировали вкус к апологу как приемлемому средству передачи великих моральных истин» [7, с. 1]. Приоритетность этой задачи, в частности, приводит к тому, что переводчик снабжает все собственные опусы разъяснительными подзаголовками (например, басня «Лисица и Сурок» заявлена как «Лисица и Сурок, или Чиновники-взяточники»). Таким образом, английскому проповеднику басня Крылова виделась той универсальной субстанцией, которая помогала ему выполнять свою миссионерскую задачу, под видом вымысла передавая нравоучительные сентенции и одновременно знакомя аудиторию с русским баснописцем, творения которого, будучи в России «у всех на устах», принесли обществу «очень много пользы» [там же].

Окончательное утверждение Крылова в сознании английских читателей было обеспечено стараниями Вильяма Ролстона, чья превосходно изданная книга «Крылов и его басни» в 1860–1880 гг. выдержала четырехкратное переиздание [8]. В целом Ролстон перевел 148 из общего числа 201 басен Крылова, в количественном отношении оставляя своих предшественников далеко позади. Прозаические переводы Ролстона, поставившего целью воспроизведение возможно точного «фотографического портрета» оригинала, максимально буквалистичны и отличаются практически полным отсутствием какой бы то ни было самостоятельности. Тщательно скопированные русские басни превращаются под его пером в нравоучительные истории, изложенные гладким литературным слогом, практически лишенным юмористичности и стилевых

«шероховатостей», составляющих своеобразие идиостиля Крылова. Впрочем англичанам книга понравилась, представляя собой приятный и небесполезный способ скоротать досуг, к тому же удовлетворяющий естественное страноведческое любопытство за счет обилия сносок, примечаний и иллюстраций, информирующих читателя о своеобразии российского быта и культуры.

Серия переводов басен 1860-х гг. явилась новым этапом освоения английской культурой творческого наследия Крылова. Несмотря на значительные потери, неизбежные при воспроизведении стихов прозой, именно эти «информационные» переводы, лишённые присущих ранним трансляциям амплифицирующих дополнений, обусловили интерес англичан к творчеству русского фабулиста, басни которого привлекали новизной сюжета, остротой социального конфликта, расширяли страноведческий кругозор. Передавая содержание, если не форму, оригинала, эти переводы способствовали утверждению в сознании аудитории образа русского баснописца, обладающего набором похвальных качеств, владение которым в английской традиции считалось необходимым и достаточным условием для признания фабулиста мастером своего дела. Крылов виделся англичанам изобретательным конструктором поучительных сюжетов и проницательным знатоком человеческой натуры, умело облачающим в аллегорическую форму несовершенства российского общества. Однако тот, кто был знаком с баснями Крылова в оригинале, не мог быть удовлетворен их прозаическими воспроизведениями. Буквалистический метод оказался неприемлемым не только для воспроизведения формы русских басен – он приводил также к изъятию стилового стержня произведений, и вместе с ним неизбежно исчезал их огромный содержательный пласт. По сути дела, эти переводы надвое разбивали комплексное, фразеологически нерушимое понятие «басни Крылова» и изымали из него последний, «авторский» компонент с тем результатом, что если их можно безоговорочно назвать «баснями», то «баснями Крылова» назвать их нельзя.

Одним из тех, кто не мог примириться с подобным положением вещей, стал преподаватель английского языка в Санкт-Петербурге Джон Харрисон, который в 1883 г., одновременно с выходом в свет финальной книги переводов Ролстона, издает собственный вариант «Оригинальных басен Крылова», ставший значительным вкладом в популяризацию произведений русского баснописца в Англии. В предисловии к своей работе Харрисон так защищает собственный переводческий подход: «Я знаю о существовании переложений басен Крылова на английский язык, но они прозаические, а я считаю, что дух Крылова не может не испариться в

прозе, и что одни лишь стихи, пусть и отдаленно, могут надеяться на хотя бы частичное воспроизведение юмора, идиом, тысячей оттенков мысли и стиля оригинала. Проза может дать голый скелет, ничего более» [9, с. V]. В качестве приложения к своей книге Харрисон приводит хронологическую таблицу всех басен Крылова и список источников заимствованных им фабул, что наряду с обстоятельной биографической справкой делает это издание, возможно, наиболее информативным из всех когда-либо появлявшихся в Англии.

Переводы Харрисона явились своего рода водоразделом между прозаическими англоязычными трансляциями басен Крылова 1860-х гг. и их последующими стихотворными переводами. Харрисон добивается высокой степени идентичности своих трансляций русским оригиналам, используя в качестве выразительного средства синтаксис, свободно манипулируя ресурсами лексики и фразеологии для отражения своеобразия ориентированной на живой разговорный язык стилистики русских басен. Переводы отличает характерный для Крылова разноstopный ямб и сложная система рифм; при этом переводчику часто удается соблюсти ритмическую схему и построчное количество слогов оригинала если не на протяжении всего произведения, то в рамках существенного его фрагмента.

В целом переводы Харрисона демонстрируют такое приближение к оригинальным басням, какого не достигал ни один из его предшественников. Можно говорить не только о преобладающем влиянии на его манеру реалистических тенденций (семантическая, лексическая, синтаксическая близость к оригиналу, соблюдение формальных характеристик басен, сохранение их стилистической доминанты), но и о том, что его переводы читаются как басни Крылова и оставляют впечатление, аналогичное впечатлению от басен Крылова, по сути являясь их первыми полноценными английскими репрезентатами.

«Входя в чужую литературу, иностранный автор преобразуется и дает ей не то, что у него вообще есть и чем он типичен в своей литературе, а то, что от него требуют, – писал Б. М. Эйхенбаум, – один и тот же иностранный автор может служить материалом для совершенно разных литературных направлений – в зависимости от того, что именно от него требуют» [10, с. 161]. Несмотря на то, что прямое перенесение историко-литературных стилистических категорий в обобщенную картину англоязычного освоения басенного наследия Крылова привело бы к образованию слишком жесткой схемы, все же представляется возможным выделить некоторые общие черты хронологически близких трансляций. Если переводы 1820–1830-х гг. в духе романтического времени не ставят задачи комплек-

сного сохранения оригинала и несут очевидный отпечаток личностной инициативы, то прозаические интерпретации 1860-х гг. обнаруживают более бережное отношение к подлиннику, своеобразно видевшееся переводчикам в важности сохранения его пословного состава, доведенного до крайности в буквальных трансляциях Ролстона. В этих переводах дают о себе знать принципы нового, реалистического подхода к воспроизведению иноязычного художественного текста, развитые и усо-

вершенствованные в работах 1880-х гг., не только текстуально и стилистически близких к подлиннику, но демонстрирующих обостренное внимание к его поэтической форме. От перевода к переводу меняется подход английских переводчиков к передаче пафоса крыловских басен и их поэтической структуры, и поздние переводы демонстрируют очевидную близость к оригиналу, в лучших своих проявлениях являясь самоценными художественными произведениями.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. 8. С. 565–592.
2. Specimens of the Russian Poets: with Preliminary Remarks and Biographical Notices. Transl. by John Bowring, F.L.S. L., 1821.
3. Arndt W. Podstrochnichestvo in Prose Pants: a Rising Mode of Verse Translation // Slavic Review. Vol. 32. No. 1 (Mar., 1973). P. 141–153.
4. Крицкая Н. В. Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 70–72.
5. Левин Ю. Д. «Макбет» Шекспира в переводе В. К. Кюхельбекера // Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л., 1983. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks>
6. Edwards S. Kriloff and the Russian Fabulists // The Russians at Home: Unpolitical Sketches. L., 1861. P. 235–270.
7. Long D. Krilof's fables, illustrating Russian social life. Translated from the Russian for the Calcutta Weekly "Englishman". Calcutta, 1869. 46 p.
8. Krilof and His Fables. By W.R.S. Ralston, M. A. of the British Museum. L., 1869, 1869, 1871, 1883. IX+180 p.
9. Kriloff's Original Fables. Translated by J. Henry Harrison. L., 1883. 225 p.
10. Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: Совет. писатель, 1987. 540 с.

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nadia66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.09.2011.

N. V. Kritskaya

KRYLOV'S FABLES IN 19TH CENTURY RUSSIAN-ENGLISH CROSS-CULTURAL DIALOGUE: THE ASPECTS OF TRANSFORMATION

The article deals with I. A. Krylov's Fables reception in the 19th century England. Five representative translations (1821–1883) are considered to show basic tendencies of English perception of the Fables in diachronic aspect.

Key words: *I. A. Krylov's Fables, Russian-English translation.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: nadia66@mail.ru